Неолиберальный глобальный проект.

Ю.Н.Мосейкин, доцент, к.э.н.
Заведующий кафедрой макроэкономического
регулирования и планирования Российского университета
дружбы народов

Современный финансовый кризис, стремительно перерастающий в общеэкономический, можно назвать первым кризисом глобальной экономики, поскольку он затронул, в первую очередь, наиболее вовлечённые в так называемый глобальный проект страны. И не случайно кризис начался в финансовой сфере, поскольку именно финансовый капитал проявил наибольшую заинтересованность в обеспечении прибылей через возможность проведения своих операций в любой точке глобальной экономики.

Современная модель экономической глобализации – это неолиберальный глобальный экономический проект. Профессор В.Б.Кувалдин отмечает, что «становление глобальной экономики не было просто результатом слепой игры рыночных сил».[1] Аналогичную мысль высказывает американский профессор М.Кристельс: «Глобальная экономика была создана не рынками, а взаимодействием между рынками, правительствами и международными финансовыми институтами».[2] Кувалдин пишет: «Так называемая неоконсервативная волна, в конце десятилетия (70-х гг. – прим.Ю.М.), поднявшая к вершинам власти таких приверженцев свободного рынка, как М.Тетчер (избрана премьер-министром Великобритании в 1979 г.) и Р.Рейган (избран президентом США в 1980 г.), открыла дорогу беспрепятственному движению капитала на мировых просторах. Ключевыми агентами глобализации, расчищавшими путь свободному предпринимательству, стали правительства ведущих западных государств, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Всемирная торговая организация (ВТО). Действуя в унисон, они навязывали *свою логику развития* (курсив мой, - Ю.М.) остальным странам. Логику, выгодную сильным и богатым».[3] Профессор Калифорнийского университета М.Кастельс подчёркивает: «Глобальная экономика – это экономика, в которой национальные экономики *зависят* (курсив мой, - Ю.М.) от деятельности глобализированного ядра. Последнее включает в себя финансовые рынки,

[1] Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М.,2003, С.47
[2] Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001, С.74
[3] Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М., 2003. С.48

международную торговлю, транснациональное производство, в определённой степени науку и технологию и соответствующие виды труда».[4]

Практика последних десятилетий убедительно показывает, что «группа семи», активно используя решающее влияние в международных финансовых и экономических организациях (и особенно в МВФ, ВБ, ВТО и ОЭСР) вполне успешно проталкивает неолиберальный вариант экономической глобализации, навязывая его как развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки, так и странам с переходной экономикой.

Применительно к развивающимся странам с переходной экономикой главным источником нормативной экономической теории и осуществления преобразований являлись и являются международные финансовые и экономические организации (и прежде всего МВФ, ВТО, и ОЭСР). При этом особо значимой является роль МВФ, который предоставление своих кредитов обуславливает структурными условиями, а ВТО – принимаемыми при вступлении в эту организацию обязательствами, диктуемыми по-существу, господствующей в ней группой наиболее развитых стран во главе с США. В 1980-х годах прошлого века именно в МВФ и ВБ и при прямом участии министерства финансов США был разработан основной документ неолиберальной экономической глобализации, под названием «Вашингтонский консенсус». Согласно этому «консенсусу» развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, желающие получить международную финансовую и иную помощь в процессе трансформации (реформирования) национальной экономики брали на себя обязательства по формированию свободной рыночной экономики и осуществлению реформ (по микроэкономической либерализации, макроэкономической стабилизации, приватизации и т.д.).[5]

В известной мере «Вашингтонский консенсус» подвёл черту под господством в западной экономической теории кейнсианства, «веком кейнсианства» (период 40-х гг. – первая половина 70-х гг. XX в.). Кейнс и его многочисленные сторонники образовали направление в западной экономической теории, объединённое идеей относительной нестабильности капиталистической экономики и необходимости её государственного регулирования. На базе кейнсианских идей функционировала и экономическая политика многих стран мира и развивалась доктрина смешанной экономики.

---

[4] Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001, С.64

[5] См.: «От плана к рынку». Отчёт о мировом развитии 1996. МБРР/ВБ. Вашингтон. 1996; Переходный период: Анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Исследование Всемирного банка. М., 2002; Переходная экономика: Аспекты, российские проблемы, мировой опыт. М., 2005 и др.

Период конца 1970-х – начала 1990-х годов – это период доминирования неоконсерватизма. К этому направлению примыкали монетаристы (в лице М.Фридмена и его окружения), представители экономической теории предложения (М.Фелдстайн, А.Лаффер), школа рационального ожидания (Р.Лукас, Дж.Мут) и т.д. Период экономики 70-х годов явился по образному выражению английской экономистки Дж.Робинсон временем «второго кризиса экономической теории» Запада.[6] Смена парадигмы развития стран Запада произошла в условиях острого кризиса кейнсианской модели и возобладания в правящих элитах наиболее развитых стран убеждения, что именно неолиберализм (и на его базе глобализация) способны дать мощный импульс к переходу к постиндустриальному обществу и установлению нового мирового порядка (проще говоря, контроля над мировым пространством и мировыми ресурсами).

Российский экономист-международник В.М.Коллонтай считает, что «дело не в том, что неолиберализм предложил какие-то оригинальные или общеприемлемые позитивные решения. Арсенал его рецептов и аргументов довольно скуден и сводится к расширению индивидуальных свобод, ограничению государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и ориентации на рынок (все эти концепции, выработанные во времена борьбы молодой нарождающейся буржуазии против феодального государства). Наиболее распространённым аргументом современных неолибералов является утверждение, будто недостатки рынка не больше, нежели недостатки хозяйственной деятельности государства и потому следует отказаться от «дискредитировавшего себя вмешательства государства и вернуться к свободному рынку и свободной конкуренции».[7]

О противоречиях глобализации размышляют сегодня многие учёные. Некоторые из них считают, что в настоящее время постиндустриальные державы становятся все более автономными от индустриальной части планеты, сокращая свои потребности не только в сырье и материалах, но и в массовых изделиях индустриального производства, сосредоточивая у себя изготовление наукоемкой продукции и информационных ресурсов. Новые индустриальные страны формируют сегодня не новый центр хозяйственного роста, а в полной мере зависимый «второй эшелон» мировой экономики. Кризис в Юго-Восточной Азии, наглядно показал, насколько иллюзорны возможности вхождения этих государств в пределы постиндустриального мира.

Однако большинство западных социологов полагает концепцию глобализации фактически единственной парадигмой исследования, и мы вынуждены согласиться с этой точной зрения. Они считают, что три

---

[6] Имелось в виду, что первый кризис в годы «Великой депрессии» поразил прежде всего неоклассическое направление и на смену еаму пришло кейнсианство.

[7] Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М., 2003. С.149

процесса, определяющие глобализацию хозяйства - отход от государственного регулирования в пользу рыночного механизма, преодоление национальных границ в ходе интеграции отдельных экономик и развитие новых информационных технологий - способны привести к хозяйственному росту и процветанию. Однако, более очевидным представляется, что первый процесс может в более или менее завершенной форме протекать только в постиндустриальных странах, где для этого сложились все необходимые условия; второй ставится под сомнение нарастающей отдаленностью развитых стран от развивающихся, а третий - лишь подтверждает абсолютное доминирование постиндустриального мира.

Глобальной экономики сегодня не существует, имеет место хозяйственная система, в которой экономическое и социальное развитие большей части человечества жестко обусловлено прогрессом постиндустриального мира, и его способностью влиять на ход событий в остальных регионах планеты. Безусловно, хозяйственные и информационные связи становятся все более интенсивными и разнообразными, но значение их в рамках различных социально-экономических систем остается диаметрально противоположным. Внутри постиндустриального мира глобальные тенденции ведут, в конечном счете, к сближению уровней развития отдельных стран и жесткому противостоянию их с остальным миром. Во всемирном же масштабе каждое новое проявление глобализации оказывается очередной ступенью к формированию однополюсного мира, в котором глобальным значением может обладать только его постиндустриальная составляющая.

Теория и практика неолиберальной глобализации сложились с конца 1970-х годов XX в. Их суть сводилась к либерализации торговли и цен, дерегулированию предпринимательской деятельности, к всемерному сокращению хозяйственной функции государства, строгой фискальной политике, сокращению государственных расходов и т.д.[8] Особое значение придавалось *приватизации* государственной собственности, позднее же в центре внимания оказались вопросы стабилизации финансовой системы, сбалансированности бюджета и ряд других (этот пакет требований получил широкую известность под названием «Вашингтонского консенсуса»).

Применительно к развивающимся странам и странам с переходной экономикой, по словам В.С.Автономова, главным в нормативной экономической теории традиционно являлись международные экономические организации, в первую очередь, Международный

[8] Наиболее развёрнутый анализ неолиберализма дан в коллективной монографии Alternativas de Izquierda al neoliberalizmo. Madrid. 1995

валютный фонд и Всемирный банк.[9] При этом, если ВБ, в основном, как мы уже отмечали, воздействовал на получателей своих займов не выставлением официальных условий, а настойчивым убеждением, то предоставление кредитов МВФ сопровождалось макроэкономическими, а для расширенных кредитов и структурными условиями. В 1980-х годах в этих организациях сложилась точка зрения относительно реформирования экономики развивающихся стран (прежде всего стран Латинской Америки), которая с лёгкой руки Джона Уильямсона (США) получила название «Вашингтонский консенсус», ставший своего рода манифестом неолиберализма. Как отмечал лауреат Нобелевской премии Дж.Стиглиц, «Латинская Америка должна была (добровольно или не совсем) принять политику «Вашингтонского консенсуса».[10]

После нефтяного кризиса конца 1973 г., ввергшего развитый мир в шок и полосу затяжной «стагфляции» (это, напомним, сочетание экономической стагнации с инфляцией), ООН и другие международные организации (под нажимом «семёрки») повернулись лицом к проблемам мировой экономики. В 1974 г. специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла «Декларацию об установлении нового международного экономического порядка» и «Программу действий». В декабре того же года принята «Хартия экономических прав и обязанностей государств».

Основной движущей силой и структурообразующим фактором системы неолиберальной глобализации выступил международный транснациональный капитал (в лице ТНК и ТНБ). ТНК сегодня – это примерно 60 тысяч основных (материнских) компаний и свыше 500 тысяч их зарубежных филиалов и аффилированных (зависимых) компаний.[11] Они контролируют до половины мирового промышленного производства и три пятых мировой внешней торговли.[12] При этом следует иметь в виду, что из общего значительного числа ТНК, 39% приходятся на США, 18,4% - на Японию и 13,3% - на Великобританию (см. Табл.1)

---

[9] Переходная экономика: аспекты, российские проблемы, мировой опыт. Отв.ред. В.А.Мартынов, В.С.Автономов, И.М.Осадчая. М.,2004, С.24-25

[10] Стигиц Дж. Ревущие девяностые: Семена развала. М., 2004, С.388 Для реформирования неолиберальная теория предлагает развивающимся странам не градуализм, экономическую концепцию, предполагающую цепь медленных последовательных реформ, а именно т.н. «шоковую терапию» (плоды которой хорошо иллюстрируются реальностью России в 90-е гг. XX в., а ранее и итогами большинства стран Латинской Америки. «Шоковая терапия» прямо разработана М.Фридменом и его учениками и последователями и легла в основу политики МВФ и ВБ.

[11] Тарасов К.С., Хожемпо В.В. Большие экономические системы. М.,2003, С.19

[12] Там же

Таблица 1

Страновое ранжирование 664 крупнейших ТНК (по странам происхождения)

Страна происхождения	Число компаний	Доля в их общем числе, %	Страна происхождения	Число компаний	Доля в их общем числе, %
США	**259**	**39,0**	**Гонконг (КНР)**	**10**	**1,5**
Япония	**122**	**18,4**	**Испания**	**9**	**1,4**
Великобритания	**88**	**13,3**	**Дания**	**7**	**1,1**
Германия	**38**	**5,7**	**Италия**	**7**	**1,1**
Франция	**29**	**4,4**	**Бельгия**	**6**	**0,9**
Канада	**22**	**3,3**	**Сингапур**	**6**	**0,9**
Швеция	**19**	**2,9**	**Ирландия**	**3**	**0,5**
Австрия	**11**	**2,0**	**Финляндия**	**2**	**0,3**
Нидерланды	**13**	**2,0**	**Новая Зеландия**	**2**	**0,3**
Швейцария	**12**	**1,8**	**Норвегия**	**2**	**0,3**

Составлено по: Ietto-Gillies Gr/ Transnational Corporations: Fragmentation Amids Integration. 2002. P.78

Около половины всей мировой капитализации фондовых рынков приходится на долю 25 крупнейших городов и более половины всех операций валютных рынков сосредоточены в Лондоне, Нью-Йорке и Токио. Три американских финансовых конгломерата (Морган-Стэнли-Дин-Уиттер; Мерил-Линч и Голдман-Сакс) так или иначе участвуют в четырёх пятых всех крупномасштабных финансовых операциях по слиянию и поглощению.[13] Известный российский специалист-международник В.М.Коллонтай отмечает, что «из *стихийного процесс глобализации всё больше превращается в институционально оформленный, сознательно направляемый*» (курсив Коллонтая).[14]

Определённый итог неолиберальным поискам «нового глобалистского общества» подводит концепция Жака Аттали. Он родился в Алжире (в 1941 г.), когда тот был колонией Франции, но вскоре перебрался во Францию и сделал там блестящую карьеру (и даже стал директором Европейского банка реконструкции и развития). В своём труде «Линии горизонта» (1990 г.), изданном на русском языке под названием «На пороге тысячелетия» в 1993 г. издательством «Международные отношения».[15] Аттали «пророчествует» о наступлении нового общества.

[13] Foreign Affairs. January-February, 1999, P.77$ Euromoney. October, 2000, P.50
[14] Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М., 2003. С.152
[15] Аттали Ж. На пороге тысячелетия. М., 1993

Если раньше была религиозная эпоха с культом бога, а затем вооруженная с культом силы, то теперь безвозвратно наступает торговая эпоха с культом (именно с культом!) денег. Её высшее воплощение – торговец, не имеющей ни культуры, ни семьи, а ведущий образ жизни кочевника, постоянно перемещающегося по планете в поисках максимальной прибыли. У остальных людей выбор простой – «либо конформировать с этим обществом кочевников, либо быть исключённым из него».[16] Как подчёркивает российский учёный В.Винников, - «новые кочевники» Аттали – это прежде всего кочевники виртуального информационного и финансового пространства-времени, или используя термин М.М.Бахтина, хронотопа (такого «постмодернистски» игрового хронотопа), в котором нет и не может быть, лучше сказать – не должно быть, ничего необратимого. Но перемещения «новых кочевников» только на первый взгляд выгладят хаотичным броуновским движением. В действительности все они следуют «правилам игры», выработанным для них некими высшими управляющими, которые собственно и решают судьбу каждого «номада» и время, когда для этого «номада» игра окончена (game over). Аттали специально подчеркивает, что в «новом обществе» именно транснациональный капитал (в лице ТНК и ТНБ) контролируют все элементы общественной жизни от полиции, судопроизводства, образования, здравоохранения и т.д. до самого воздуха, которым мы дышим. Ярким отражением этих тенденций является концепция «Сияющего Града на холме»[17] П.Бьюкенена, в своё время ближайшего советника президента США Р.Рейгана, - концепция установления над миром мирового господства США, которая трактуется как священная миссия американского народа, базирующаяся на ветхозаветном пророчестве о Новом Иерусалиме для избранного народа.

В основе неолиберальной глобализации лежат качественные изменения в техническом, технологическом, транспортном, коммуникационном, информационном (часто называемом информационной революцией) базисе экономики и общества. Но самое главное при этом, что обеспечивается не только глобальное общение между людьми, но и происходит реализация финансовых операций в объеме, значительно превышающем размеры ВВП крупных государств (уже в конце 90-х годов на валютных рынках мира ежедневный объем финансовых операций достиг уровня в 1,5 триллиона долларов).

При этом финансовые связи становятся наиважнейшей формой существования мирового хозяйства, в котором не остается сколько-нибудь крупных самодостаточных национальных экономик. Ни одна национальная экономика, хочет или не хочет она вписываться в мирохозяйственные связи, не может существовать и развиваться вне и

[16] Аттали Ж. На пороге тысячелетия. М., 1993

[17] Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2003.

помимо них.

Экономическим базисом глобализации является безусловное господство так называемых транснациональных корпораций, в первую очередь финансовых. Транснациональный финансовый капитал (выраженный в фиктивных акциях) и по качеству и по объему играет доминирующую роль в современном мире. С качественной точки зрения фиктивный акционерный капитал является стоимостным выражением функционирующего в реальном времени промышленного капитала (в марксовом понимании), его образ определяет характер процесса реализации совокупного капитала. С количественной точки зрения все формы (виды) международного фиктивного капитала достигают величин, которые далеко превосходят все нормальные человеческие представления.

Если обратиться к данным Top-Global 500, которые касаются 500 самых крупных собственников капитала в мире (выделенных Financial Times), то характерным признаком количественной квалификации служит так называемая рыночная капитализация. Иными словами, величина того или иного субъекта мировой экономики измеряется в соответствии с ценой (стоимостью) его капитала на бирже. Это является масштабной оценкой мощи и значения капиталов в рамках конкуренции. Из примерно 60000 действующих на мировом рынке транснациональных компаний в связи с невиданной концентрацией капитала решающую роль играет лишь относительно малое число, около 500 самых крупных.

Эти 500 концернов в 2002 году представляют капитал на сумму в 16019 миллиардов долларов, что приблизительно соответствует годичному валовому социальному продукту «большой семерки» (США, Канада, Япония, Великобритания, Германия, Франция и Италия) – группы из семи наиболее развитых промышленных государств. Таким образом, лишь несколько крупнейших концернов-собственников капитала этих стран в состоянии управлять всем процессом воспроизводства в мире.

Эти данные, наглядно представленные в Таблице 1, на удивление хорошо соответствуют реальному значению того или иного государства в современном западном мире. Очевидно, что ни Япония, ни остальная часть мира здесь не играют никакой серьезной роли. Только Европа в целом, вместе с Великобританией, может составить какую-либо конкуренцию Соединенным Штатам. Однако "особые отношения" между двумя "англосаксонскими" странами обеспечивают им подавляющее преимущество в мире крупнейшего транснационального капитала. Отсюда становится понятной и позиция Великобритании относительно европейской интеграции, и ее постоянное следование в фарватере политики США.

Высочайшая концентрация крупных капиталов в современном мире, особенно в США, позволяет установить определенное соответствие между экономической основой современной «глобализации» и концепцией

К.Каутского об "ультра-империализме". Это подтверждают и данные о растущей экономической пропасти между Севером и Югом, между «золотым миллиардом» и странами «третьего мира». Сегодня «золотой миллиард» располагает 84,7% мирового валового продукта, 84,2% мировой торговли, 85,5% банковских депозитов.[18] Кроме того, на долю развитых стран, в которых проживает 20% населения мира, приходится 70% производимой электроэнергии.

Особая роль транснациональных корпораций в сегодняшней глобальной экономики связана с целом рядом причин, среди которых можно назвать следующие:

Первая: ТНК монополизируют прежде всего наиболее передовые и конкурентоспособные ресурсы (высокие технологии; квалифицированную рабочую силу и работников-новаторов, которые могут устойчиво воспроизводиться в массовом масштабе только в развитых странах; know how, патенты на высокие технологии и многие другие информационные продукты)[19].

Вторая причина. ТНК и, отчасти, их «родные» страны получают монополию не только на наиболее эффективные ресурсы, но и на их воспроизводство. Особенно важна здесь монополизация научно-технического прогресса и образования (воспроизводства высококвалифицированной рабочей силы).

В результате соединения названных двух факторов центры глобализации, пройдя по спирали отрицания отрицания от колониализма к неоколониализму и *реколониализации,* становятся как бы новыми метрополиями, получающими ныне не столько основанную на внеэкономическом принуждении материальную ренту, сколько иную, основанную на целостной гегемонии корпоративного капитала *«интеллектуальную ренту», основанную на монополизации потенциала прогресса, доступа к ресурсам развития постиндустриального общества.*

Третья причина. Для власти ТНК характерен названный выше контроль за мировым движением финансов и, шире, большей частью

---

[18] Завтра, №48, 2002

[19] Существенно, что *монополия на ряд из них является почти абсолютной:* патент или иная интеллектуальная частная собственность дают владельцу право не допускать к пользованию данной информацией и иным благом третьих лиц. При этом в отличие от «обычного» материального блага информационный продукт не может быть создан заново или воспроизведен: он по определению единствен, тиражировать можно лишь материальные носители.

В результате при переходе к информационному обществу складывается ситуация абсолютного монополизма: тот, кто первым вышел на этот рубеж и закрепил частную собственность на важнейшие информационные продукты, получает почти абсолютные преимущества — догнать его нельзя. Даже разработав самостоятельно те же информационные блага, вы не сможете (если соблюдать законы рынка и право частной собственности, усиленно насаждаемые в процессе неомаркетизации) ими воспользоваться — они уже находятся в собственности других лиц; создать заново тот же информационный продукт, что уже находится в чьей-то собственности, в мире рынка значит украсть этот продукт. У тех, кто «опоздал», остается один шанс — перегнать, не догоняя. Но для этого нужна квалифицированная рабочая сила, работники-новаторы, а они, как уже было отмечено, могут устойчиво воспроизводиться в массовом масштабе почти исключительно в развитых странах.

международных трансакций, а также телекоммуникаций. Эти «кровеносная» и «нервная» системы мирового сообщества развиваются в недрах, внутри ТНК и потому ими контролируются.

Четвертая причина. На мировом рынке рабочей силы создаются мощные барьеры для свободного движения труда между странами и секторами экономической жизни. Эти барьеры крайне многообразны: от запретов на иммиграцию в развитые страны до «номенклатурного» принципа подбора студентов в элитные вузы, из которых выходит элита информационного общества, которая опять же обладает близкими к монопольным возможностями для продвижения своих детей в лучшие школы, колледжи и т. д.[20]

К названным выше причинам следует добавить и негативную роль, которую играют и мировые экономические организации. Мировая торговая организация (ВТО) используется богатыми странами для удовлетворения своих интересов и увеличения прибылей, в то время как на экономику стран «третьего мира», особенно сельское хозяйство и промышленность, накладываются значительные ограничения. Кроме того ВТО отвечает только за потоки товаров, не обращая внимания на охрану окружающей среды или же на трудовое законодательство.

Международные экономические организации находятся под контролем США и других западных промышленно развитых государств. Роль их советников и таких организаций, как Всемирный банк (ВБ) или Международный валютный фонд (МВФ), уже давно и хорошо известна.

Прежде всего бросается в глаза, что «правила игры» (институциональные рамки, структуры и «дороги» жизнедеятельности мировой экономики, политики, духовного производства) устанавливаются все теми же субъектами гегемонии. Правила финансовых трансакций и торговли устанавливают МВФ, МБ, ВТО и им подобные организации; стандарты мировой геополитики и правила взаимодействия государств регулируют саммиты «большой семерки» и НАТО — примеры легко продолжить. Ничего похожего на принципы даже формальной демократии, где большинство оказывает решающее влияние на принятие решений, в мировой экономике и политике нет[21].

---

[20] Тем самым наиболее сильные агенты мировой экономики, провозглашая «свободу торговли» и открытость конкуренции, заведомо ставят в неравные условия их участников, ибо одни из них обладают монополией на ряд преимуществ, которые другим принципиально недоступны.

[21] Отметим, что формально некоторые влиятельные международные организации (ООН и т. д.) строятся на демократических принципах. Однако реальная политика определяется другими структурами (НАТО, МВФ), где под этой формальной демократией скрывается реальный контроль за этими институтами со стороны тех сил (прежде всего истеблишмента США), которые обладают наибольшей финансовой и военной мощью, что и проявляется всякий раз, когда принимаются ответственные геополитические или геоэкономические решения (например, вопрос о том, бомбить или нет Югославию, реально принимали власти США, что не было секретом даже для средств массовой информации, хотя формально это было делом ООН или по меньшей мере всего североатлантического блока).

Но названная элита не только устанавливает эти правила, но и обладает почти монопольной властью на их проведение в жизнь, на контроль за их соблюдением (выше мы их уже называли: финансовый контроль, монополия на ядерные вооружения и контроль за силами безопасности... здесь особые комментарии не требуются).[22]

Экономико-политические аспекты мирового неравенства дополняются уже описанным выше информационным, идеологическим и культурным империализмом, закрепляя гегемонию элит мирового капитала и выгодные для них «правила игры», образ жизни, систему ценностей и мотивов в сфере сознания, в духовном производстве. Для «нового мирового порядка» характерен подрыв даже буржуазных принципов эквивалентности и равенства возможностей.

Тем самым в мире складывается неэквивалентность и неравенство во взаимодействии «золотого миллиарда» и «гетто отсталости»: цена на продукцию второго не включает затраты на восстановление биогеоценозов или хотя бы минимальную охрану среды, а также на социальную защиту работников и другие компоненты, учитываемые в ценах на продукцию высокоразвитых стран, которые к тому же получают и наиболее значимую в нынешних условиях интеллектуальную ренту, причем этот обмен осуществляется в условиях монопольно регулируемой (ТНК и иными глобальными игроками) экономики.

[22] Альтерглобализм: Теория и практика антиглобалистского движения. Гл.ред. А.В.Бузгалин. М., 2003. С.41